

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Виталий Владимирович СОВАСТЕЕВ, доктор исторических наук, профессор

На долю исторической науки часто выпадает неблагодарная миссия развенчания мифов, которые создаются на злобу дня и заслоняют собой подлинную историю. По одному остроумному замечанию, «реальные факты менее интересны, чем мифы о них». Не избежало этой участи и такое крупное событие в истории Японии и России, как русско-японская война 1904—1905 гг.

Русско-японская война занимает особое место не только в истории России, но и в мировой истории. Она стала первой крупной империалистической войной XX в., показала чреватость войн революциями. Это относится не только к России, но и к Японии (сентябрьские волнения 1905 г. в связи с подписанием Портсмутского договора), однако японское общество оказалось более стабильным, и вспышка народного гнева не переросла там в полномасштабную революцию.

Мировое значение русско-японской войны заключается в ее цивилизационном измерении. Это была межцивилизационная война. Отсюда ее большой международный резонанс. В азиатских колониальных странах она была воспринята как первая победа азиатской страны над европейскими странами — угнетателями, что дало толчок национально-освободительному движению. В российской общественности она усилила зародившееся еще с конца XIX в. сознание «желтой опасности».

Не только двадцатому, но и двадцать первому веку русско-японская война оставила неразрешенные международно-правовые проблемы. Одна из них: влечет ли за собой участие в войне отказ от прежних международных договоров. Эта проблема легко проецируется на состояние русско-японских отношений, осложнившихся до крайности именно в результате русско-японской войны.

Для российского государственного руководства русско-японская война явилась грозным предупреждением относительно готовности к современной войне. История свидетельствует, что в России и в СССР не были в должной мере извлечены уроки из русско-японской войны. Генерал П. Григоренко утверждал, что командующий советскими войсками на Халхин-Голе Г. Жуков, не изучив в должной мере опыт русско-японской войны, первоначально повторял те же ошибки, что и российские военачальники в 1904—1905 гг. Русско-японская война имеет еще один очень важный аспект. Она была школой жизни, военного и политического опыта для целой плеяды военачальников и политических деятелей. Достаточно назвать имена генералов Деникина, Корнилова, Самсонова, Маннергейма и др.

Военное столкновение между Россией и Японией в 1904—1905 гг. достаточно хорошо изучено в отечественной историографии, дореволюционной и советской. В постсоветский период крупных, строго научных работ пока не появилось, но зато очень популярен смешанный жанр полубеллетризированных, полудокументализированных работ, опирающихся на довольно широкую исследовательскую базу.

Наряду с научно-исследовательской традицией в познании и осознании русско-японской войны сложилась устойчивая традиция к мифотворчеству. Мифотворчество по отношению к такому событию питалось из многих источников, в нем сложно переплетались два направления — стихийно формирующееся народное историческое сознание, с одной стороны, и воздействие на формирование этого сознания со стороны существовавшего политического режима — с другой. После революции, особенно накануне второй мировой войны, — это усилие сталинского руководства по своеобразно понимаемому патриотическому воспитанию советского народа. И в том, и в другом случае большую роль сыграло чувство национальной обиды за поражение в войне, которое, как известно, разделял и «великий вождь советского народа» И.В. Сталин.

Яркий образец народного мифотворчества — песня «Плещут холодные волны» о подвиге крейсера «Варяг», опирающаяся на фольклорную основу. В этой фольклорной струе проявилась потребность в героизации усилий в неудачном ведении войны со стороны России на фоне скучной, будничной жизни. И другой пример мифотворчества со стороны властей предрежущих, проявившийся в поощрении определенной интерпретации трагического события. В 1940—1941 гг. вышла двухтомная эпопея А.Н. Степанова «Порт-Артур». Автор ее правильно прочувствовал то, чего от него хотят власти, и создал ряд мифов, логика которых укладывается в нехитрую схему о героизме и патриотизме русского солдата и младшего офицера, близкого к народу, и некомпетентности, равнодушии и предательстве генералитета. Создавая свои мифы, А. Степанов сознательно искажал историю. Одно из искажений — пресловутый бал по случаю дня рождения жены адмирала Старка во время внезапного нападения японского флота на портартурскую эскадру как доказательство беспечности русского командования. Между тем, как свидетельствуют воспоминания участников портартурской эпопеи, проверенные строгими исследователями, никакого бала у Старка не было.

Нужно отметить, что мифотворчество продолжается и в настоящее время. Примером этого может служить книга известного исторического писателя С. Семанова «Тайна гибели адмирала Макарова», вышедшая в 2002 г. Автор выдвигает недоказуемую версию гибели адмирала Макарова — диверсию со стороны русских революционеров, противников монархического режима. Версия С. Семанова явно тенденциозна, из области мифов, носит ярко выраженный шовинистический характер. Он вкладывает в уста великого химика Д. Менделеева слова о многочисленных врагах России. Это империалисты, анархисты, революционеры, масоны, сионисты. Между тем, как показано в книге И. Бунича, адмирал Макаров допустил промах, не протралив перед выходом русской эскадры акваторию внешнего рейда, напичканную японскими минами. И. Бунич показал, что одновременно с флагманским броненосцем «Петропавловск» подорвался и броненосец «Победа», у которого был такой же характер взрыва, как на «Петропавловске». Но броненосец «Победа» не стоял на ремонте в доке, где, по версии Семанова, революционеры заложили взрывное устройство на «Петропавловск».

Книги И. Бунича «Порт-Артурская ловушка» и А.В. Шишова «Россия и Япония. История военных конфликтов», несмотря на ряд «ошибок и неточностей» у последнего, вносят большой вклад в демифологизацию русско-японской войны.

В русле демифологизации нужно рассматривать и некоторые публикации в прессе по случаю 95-летия со дня начала русско-японской войны. Так, Ю. Филатов в очерке «А погиб ли «Варяг»?», опубликованном в приложении к газете «Комсомольская правда», в непривычном свете повествует о подвиге «Варяга». Автор показывает, что «Варяг» был «инвалидом от рождения» и не мог противостоять японской эскадре, которая легко могла его расстрелять, но скорее отработывала свой номер, чем вела бой на уничтожение русского крейсера. Однако эта горькая правда не умаляет подвига команды «Варяга».

В демифологизации нуждается не только отечественная, но и японская версия русско-японской войны, для которой в свое время был характерен односторонний подход к освещению войны. Смелой попыткой такой демифологизации в Японии был вышедший в начале 1920-х годов рассказ выдающегося японского писателя Акутагава Рюносукэ «Генерал», посвященный Ноги Марэсукэ. Он показал ложность и напыщенность поведения этого героя русско-японской войны, серость его, как личности.

В фундаментальном исследовании о политической истории Японии конца XIX — начала XX в. крупный японский историк Масуми Дзюнносукэ показал, что для Японии русско-японская война была своеобразным поражением. Она обернулась колоссальной финансовой катастрофой.

Summary. «Denying the Myths of the Russo-Japanese War» — so Doctor of Historical Sciences, Professor V. Sovasteev called his article. The author thinks over some descriptions and estimates of the war events covered with the veil of legend-mythological character and gives his own point of view. The article marks out the fact that this war was a defeat not only for Russia but for Japan too.